Выходитъ въ каждую пятницу.

Адресъ Редакціи и Администраціи: „ЛЕМКО“ Горлицы.

ЛЕМКО

Подписная цѣна на газету „ЛЕМКО“ на цѣлый годъ:
Въ Австр.-Венгріи 4 К.
Въ Россію 2 руб.
Въ Америку 2 дол.
Поодинокій Н-ръ 10 т.
Обявленія по договору.

НАРОДНЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ НА ЛЕМКОВСКОМЪ ГОВОРѢ.

Н-ръ 34. Горлицы, середа (17. вер.) 4. августа 1913 года. Годъ III.

Поглядайте въ обыстю старыхъ книжокъ и листôвъ!

Стары книжкы и листы, писаны рукомъ и друкуваны, всякого рода и содержанія, — якъ то: церковны книги и поученія, житія святыхъ, пѣсни, исторіи повѣданки, хоцъ бы были и цѣлкомъ подерты и побабраны, просиме барзъ гардѣ прислати намъ пôдъ адресомъ:

Редакція „Лемко“ Горлицы.

Хто намъ пришле, надрукуеме його имено, — а если буде вартала даното його книжка, або писмо, та и тото надрукуеме! Ба не лемъ же надрукуеме, — але дôстане назадъ и свою книжку — и нову книжку и гроши!

Та лемъ глядайте старыхъ книжокъ и писемъ, такыхъ съ дѣда прадѣда, бо чѣмъ старше, та лѣпше. А скорѣ, — покля слота зазрѣйте по кутахъ.

Кошта посылкы звернеме.

Редакція „Лемко“.

Русскій народъ и Православная вѣра!!

Оденъ священникъ уніятскій писавъ до насъ такъ:

„Я хорошій русскій, хотя уніятъ, вѣра не рѣшае о національности и т. д.“.

Такъ, то правда, вѣра не рѣшае о національности (народности) нѣмцѣвъ, французôвъ, англійцѣвъ и т. д., бо у тыхъ народôвъ вѣра стоитъ южъ на другôмъ мѣстѣ, а на першôмъ мѣстѣ стоитъ національнôстъ- Французъ, або нѣмецъ и въ ничъ невѣрящій естъ добрымъ французомъ або нѣмцемъ! Не такъ у русского народа. У русского народа вѣра въ Бога на першôмъ мѣстѣ, а такъ потомъ другы дочасны вѣры.

Русскій народъ принявъ православную вѣру отъ Грековъ, изъ востока, а разомъ съ ней восточну культуру, такъ обѣ тѣсно связаны, же выречися одной, не можна задержати другой. Если бы нашъ народъ пострадавъ православную вѣру, то тымъ самымъ пôдпавъ бы пôдъ вліяніе Запада, стративъ бы восточну культуру и сфалшувавъ свою національностъ. Недаромъ вороги русского народа старалися и стараются розбити найперше вѣру русского народа, бо знаютъ же коли роздѣлятъ вѣру, то народъ розбити буде имъ лекше, Вы мислите, же были бы въ насъ мазепинцѣ — если не было бы уніятôвъ? Нѣ! Унія вытворила въ части нашого народа тоту отчужденнôстъ отъ остального міра русского. Чомъ на „украинѣ“ — де народъ православный нема украинцѣвъ? Сутъ вправдѣ, але лемъ тоты панкове, для котрыхъ вѣра то цѣлкомъ непотрѣбна рѣчь, то безвѣркы. Мыслите. же старостамъ, іезуитамъ — украинскимъ и польскимъ политикамъ росходится о спасеніе нашихъ душъ, што такъ кричатъ, коли нашъ народъ ставъ переходити на православіе? Нѣ! Имъ росходится о тото, же пропадаютъ ихъ пляны розбити русскій народъ. Они знаютъ, што головне огниво, котре лучитъ нероздѣлимо русскій народъ, то православна вѣра! Тому колись хитро мудро, такъ, што простый, вѣрный русскій народъ не знавъ, намовили бискупôвъ до пôдписаня уніи съ Римомъ, пообсаджали наши приходы іезуитами, котры помаленкы зачали фалшувати нашу вѣру и обрядъ и южъ были певны, же частъ русского народа преведутъ на латинство. Но коли народъ познавъ фалшъ, зачавъ кричати — выступили въ оборонѣ православной вѣры наши козаки и русскій народъ, кромѣ насъ, вернувъ 120 лѣтъ тому назадъ до православія.

Зостала при уніи ще Галицкая Русь. — Но пришовъ часъ, коли и Она подноситъ голосъ, коли и въ той Галицкой Руси прозрѣла русская мысль! Народъ кричитъ: „Прочь съ Римомъ, прочь съ іезуитами, прочь съ уніомъ, мы народъ православный! Мы хочемъ быти единой вѣры съ цѣлымъ русскимъ народомъ!

Поблѣдли іезуиты, поблѣдли политикы... Потемнѣло имъ въ очахъ, стратили голову и вдапилися средствъ недостойныхъ XX вѣка. — Зачалися гоненія на православныхъ, думали, што тымъ привернутъ порядокъ въ своей политицѣ. Но якъ мылилися колись Нероны, Діоклеціяны. Кунцевичи — такъ мылятся и они! — Народъ не тôлько, же не уступатъ, але скрѣпне въ вѣрѣ православной. Не направятъ свойой политикы тюрьмами и муками — але ищы бôльше попсуютъ. Тото звено, тото огниво, котре вяже русскій народъ, зачинатся споювати и вскрѣпляти.

Не довго вашого голосу, бо буде мати внетъ голосъ русскій народъ!

СВОЙ ДО СВОГО.

Кредитное Общество
ЛЕМКОВСКАЯ КАССА
общество зарегистроване съ огран. пор.
въ ГОРЛИЦЯХЪ
приниматъ пѣнязѣ на ощаднôстъ и платитъ отъ нихъ 5%.
Пожичкы дае на 7%.

СВОЙ ДО СВОГО

Гоненія на православную вѣру на Уграхъ.

Русская газета въ Россіи „Свѣтъ“ проводитъ письмо одного изъ воспитанниковъ яблочинскаго монастыря — угроросса въ названный монастырь о варварскихъ мукахъ, якимъ подвергаются православные угророссы въ Венгріи.

Господи! Когда же это кончится?!
(Письмо изъ Венгріи въ Яблочинъ Сѣдлецк. губ.).

Отъ всей души кланяюсь вамъ и усердно поздравляю васъ и желаю вамъ всего хорошаго, и прошу васъ обо всемъ этомъ, которое я вамъ здѣсь пишу, и немогу вамъ много писать — а только что нибудь.

Какъ вамъ извѣстно когда я пріѣхалъ домой то да сохранитъ Господь отъ такой кары какую я претерпѣлъ потому что меня ужасно били такъ — что я не могъ за цѣлую недѣльку и даже голову поднять.

И заказали мнѣ чтобы мнѣ нельзя пойти нигде и даже говорить съ кѣмъ-нибудь.

Также само въ нашемъ селѣ прежде меня били каждого человѣка и кого только находили въ избѣ и весь народъ съ села удиралъ на поле и въ горы, а жандармы и солдаты видя — что не могутъ никого пѣшкомъ словить то тогда начали бѣгать съ лошадьми и когда словятъ человѣка то тогда привяжутъ ему веревку на шею и такъ тащатъ за собой и снимутъ съ него одежду и голого бьютъ и посылаютъ до уніатскаго священника — брать записку, что не хочетъ даже быть православнымъ, а народъ удиралъ куда который могъ, а потомъ начали стрѣлять за народомъ, который удираль, а народъ ужасно плачетъ потому — что все врема бьютъ. А тѣхъ которые въ тюрмѣ находились нѣкоторыхъ до права (до суда) выпустили, а нѣкоторыхъ нѣтъ и никто не знаетъ когда будетъ право (судъ).

И въ каждомъ селѣ где были православные то тамъ послали жандармовъ и солдать, чтобы бить народъ, и книги где въ кого нашли то всѣ забрали и крестъ выкопали и положили подъ заборъ и тамъ солдаты и жандармы идутъ и ругаются надъ нимъ, и народъ видя это не можетъ выдержать и все время плачетъ.

И усердно прошу Васъ какъ нибудь помогите намъ потому, что намъ очень бѣда, и прошу Васъ ничего не слать.

До свиданья.

Н. Н.

Приглашеніе.

Центральное Правленіе Общества им. Михаила Качковского приглашае членовъ того Общества на звычайное годичное собраніе, котрое отбудеся въ понедѣлокъ 16 (29) вересня с. р. во Львовѣ въ великой залѣ „Народного Дома“ по слѣдующей программѣ:

Въ навечеріе собранія: О 7 год. вечеръ театральное представленье въ залѣ „Народного Дома“.

Въ день собранія: Точно о 8 год. рано въ Преображенской церквѣ соборная св. Литургія о призваніи помочи св. Духа, подходящая къ торжеству проповѣдь и панихида за души бл. п. Михаила Качковского, основателей и членовъ Общества.

Общое собраніе:
1) исполненіе пѣсни: „Коль славенъ“ на мѣсци совѣщаній;
2) открытіе собранія рѣчью предсѣдателя або мѣстопредсѣдателя Общества;
3) выборъ президіума на часъ совѣщаній;
4) отчетъ о дѣятельности Центрального Правленія и пренія;
5) касовый отчетъ — докладъ контрольной комиссии и пренія;
6) выборъ предсѣдателя Общества, 4 членовъ Центрального Правленія на мѣсце уступающихъ, затѣмъ 3 замѣстителей, 3 членовъ и одного замѣстителя контрольной комиссии на 1913/14 годъ;
7) лекція „О садоводствѣ“;
8) предложенія Центрального Правленія и членовъ;
9) лекція „Русская женщина — ея трудъ и значеніе въ народной жизни;
10) декламація;
11) просвѣтительная рѣчь русской крестьянки;
12) закрытіе собранія;
13) о 6½ год. вечера въ великой залѣ „Народного Дома“ народный концертъ.

Карты для входа на Собраніе будутъ на дняхъ розосланы съ книжечкою за мѣсяцъ іюнь—іюль; неполучившимъ ихъ будутъ выданы въ день собранія у входа въ большую залу „Народного Дома“.

Дорогіи Братья и Сестры!

Тяжкіи часы, пережываемыи нынѣ Прикарпатской Русью — нищета нашого сельского населенія — страдающого не только отъ недостатка просвѣщенія — а такожь отъ навѣщающихъ нашу Галичину уже колька лѣтъ съ ряду стихійныхъ бѣдствій, требуе совокупленія лучшихъ сыновъ и дочерей нашой Матери-Руси для усиленного труда, для борбы съ невѣжествомъ и для вышуканья мѣръ противъ угрожающого населенію многихъ областей нашого края холода. Прибувайте, дорогіи Братья и Сестры, въ престольный городъ Червонной Руси — щобы на томъ народномъ празднику согрѣтися огнемъ любви до нашой русской отчины и ободрити себе для нашого народного существованія!

Отъ Центрального Правленія Общества им. Мих. Качковского.

Львовъ, 16 (29) августа 1913.

Миронъ С. Заяцъ, секретарь. *Филиппъ Ив. Свисшунъ*, предсѣдатель.
Романъ Ос. Красицкій, мѣстопредсѣдатель.

СВЯТАЯ РУСЬ.

(ДАЛЬШЕ).

И этою вѣрой изъ слезъ, крови и невыразимыхъ бѣдствій татарской данницы выросла неодолимая русская сила.

Но сколько благородныхъ усилій,— невидныхъ жертвъ, самолюбія, законной гордости принесено было для блага народа князьями времени ига. Неодимые витязи, какъ Александръ Невскій, смиряются предъ ханами, отмаливая землю, и истекаетъ незримою мученическою кровью богатырское сердце. Не выразить словами всей святости государственнаго подвига лучшихъ русскихъ князей того времени, — и только у престола Божія оцѣнены въ праведной мѣрѣ ихъ дѣла и зачтены дорогой искупительной жертвой за грѣхи прошлыхъ поколѣній.

Не щадя себя, они полагали свою душу за народъ и, въ цвѣтѣ лѣтъ, какъ Александръ Невскій, Дмитрій Донской, отходили къ Богу съ молитвою цѣлить и врачевать ту Русь, всѣхъ ранъ которой при жизни не могли заживить никакими усиліями. А намъ, пожинающимъ теперь плоды ихъ святого страданія, — должно въ душевномъ волненіи чтить память этихъ великихъ родныхъ людей.

Какъ страданія тогдашнихъ поколѣній, такъ великая сила вѣры и надежды на конечное Божье милосердіе, позволявшая существовать русскимъ людямъ, — прекрасно выражены въ стихотвореніи поэта Майкова „Упраздненный монастырь“, представляющемъ также вѣрную картину того, чѣмъ былъ монастырь для средневѣковаго общества.

...Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой.

И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ — волшебствомъ
И чародѣствами полна...

И келю самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ пустыннымъ житіемъ
Въ той кельѣ Божій человѣкъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.

И что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ и просвѣщалъ...

И вотъ — вкругъ валятся лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ...
Надъ гробомъ старца чудеся
Пошли твориться... и растетъ.

За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостиницъ длинный рядъ:
И въ погреба течетъ казна,
И всюду трудъ и всюду ладъ!

Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей...
Варятъ меды, творятъ пиры,
Всечасно кратья ждетъ гостей...

А эти гости — то князья,
Въ орду идущіе съ казной..
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой....

И черный людъ, безвѣстный людъ,
Со всей Руси идетъ, бредетъ...
Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ
Да страшный гнѣвъ Свой Богъ уймѣтъ...

Идутъ съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исхода хоть слезамъ —
Подъ чтенье стадостныхъ молитвъ,
Подъ пѣные ангельское тамъ...

И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ,
Предъ образами въ жемчугахъ —
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ...

И чуть звонятъ, народъ — во храмъ,
Вопитъ, какъ жаждущій въ степи:
„Когда-жъ, Господь, конецъ бѣдамъ!“
И клиръ въ отвѣтъ ему: „Терпи!“

Писмо Ваня Гунянкы до Америкы.

Слава Іисусу Христу!
Мои дорогіи Американе!

Насамперед Вас барз гардѣ поздравямъ и довѣдуюся о Вашôмъ здоровлю и поводжиню... Я съ ласкы Господа Бога Небесного здоровъ, а поводжиня мое таке, што такого непамятамъ, а звѣдувавъ я ся няня — то они гварятъ, же тыжъ такого непамятаютъ, а мои дѣдо ужъ не дочуютъ, тамъ ся не пытавъ, але гварятъ няньо, же они тыжъ такой бѣды не памятаютъ, яке теперь въ насъ. Я Вамъ кусъ оповю о тôй нашôй бѣдѣ:

Друга Матка бôжа — а я мамъ въ стодолѣ пôвторы копы ярцю и тото мокряве, курится зо стодолы, а решта на полю: Кусъ въ копахъ, кусъ въ снопахъ, кусъ на вавкахъ, а решта стоитъ... нѣ не стоитъ, жебымъ не збрехавъ, лежитъ — лежитъ, примусло го до землѣ и гніе... Всяди гніе и гніе. Вытрѣщилося колиси на два дни! Люде якъ мурянкы скочили спасати хлѣбусь, зышли съ пеца стары съ трясучима руками и ногами, носили снопы такы дѣточкы, што по двое еденъ снôпъ несло, звивалися люде и каждый дякувавъ Богу, што Богъсьо просьвѣтивъ и пропасти намъ не дастъ... А ту за два дни засъ доцъ, засъ плюта, засъ гніе, а тота погода была лемъ на то, жебы до купы поскладати и щобы въ купѣ гнило... Люде плачутъ — а доцъ собѣ съ того ничъ не робитъ, лемъ лѣе и лѣе...

Ѣздилъ колиси сусѣдъ до мѣста по муку, бо свого хлѣба нема ани разъ до гамбы, поѣхавъ до мѣста по муку, немавъ добрѣ чѣмъ прикрыти и привюзъ... готову стеранку...

Компери гніютъ, ба и мало ихъ есть пôдъ натиномъ... Статокъ потунявъ...

Былъ я колиси на ярмарку: Газда съ другого села мавъ волы, хотѣвъ конечно продати, не мôгъ, бо му не давали половины, хоць ихъ цѣлый рôкъ хововъ. Нема купця, деси ся сховавъ, бо дощъ лѣе и лѣе, а газда стоитъ съ быками — премôкъ до нитки, скуливъ ся, быдлятка ся погорбили, курится съ нихъ, бо лѣе и лѣе... — Пришовъ вечеръ, газда жене быкы назадъ, не продавъ, возмутъ за податокъ... Въ дома бѣда, жена хора, дѣти дрôбны, ѣсти ся хоче, грайцаря на купче нема, а свого хлѣбуся тѣжъ нема... гніе. Треба бы дате пожичити зо стôвочку — податку ся позбыти, жебы быдлятка не пописали за податокъ и запôвдармо не продали, треба бы съ цетнаръ мукы купити, бо безъ печеного прикро дѣтьомъ, ба та и я бымъ вкусивъ. Иде газда до кассы: „Пожичте мѣ панове зо стѣвчыну, якъ будутъ лѣпшы часы, то я оддамъ“. Не маме гроши, гварятъ. Въ другôй тѣжъ не маютъ, въ третôй тыжъ, въ жаднôй,.. Бѣда!

Што робити? — Мыслитъ газда, мыслитъ: „Нема иншого ратунку, треба ити въ Америку!“ Але де пѣнязи взяти? Треба статокъ попродати на пôвъ дармо и ѣхати. Жена въ плачъ, дѣти въ плачъ, але иншой рады нема... Попродавъ газда статокъ, продавъ вôзъ, шитко за псѣ пѣнязѣ и пôшовъ до Америкы, а въ порожнôмъ обыстю лишивъ жену съ дрôбныма дѣточками. — „Я ти заразъ пришлю, лемъ заѣду...“ Мыслитъ, же въ Америцѣ заразъ назгартатъ въ майнахъ пѣнязи и пришле... йе!

Зостала бѣдна газдыня сама, газда лишивъ хлѣбъ въ поли — але быдлятка продавъ, та хоць бы Господь Богъ давъ сонечка, то нема чѣмъ ани тоты зопсуты решткы звести...

Такъ по бôльшой части газдуеся въ насъ. Нема надѣѣ, нема помочи, ани надѣѣ на надѣю помочи, бо бѣда всяди. Сутъ богаче, котры маютъ але тримаютъ, або выдаютъ на „телефенкы“, на забавы, а ты хлопе гынь съ голоду.

Думамъ я такъ колиси, думамъ, тамъ ничъ лѣпшого не выдумавъ, лемъ такъ якъ и другі, же нема въ насъ што робити, лемъ треба ити въ свѣтъ! — Та ся мя тамъ сподѣвайте — бо дежъ руснакъ свѣтъ найде, якъ не въ Америцѣ? Возму и драпну, ажъ ся за мномъ скуритъ...

Може яко разомъ ся вознеме, та мы молодши поможеме старшимъ въ нашôмъ бѣднôмъ краю, поможеме женамъ, дѣтямъ, не даме имъ съ голоду померти. Бо безъ помочи Америкы, давно бы наши руснакы съ голоду померли, а же не померли, то лемъ Америка имъ не дала! — Америка имъ не дала съ голоду померти, бо присылатъ центы, Америка не дала ихъ дотеперь выдусити, ляхамъ и жидамъ, бо кричитъ предъ свѣтомъ, и ся кусъ того голосу боятъ! Мамъ въ Бозѣ надѣю, же Америка не дастъ русскому народу въ Галичинѣ и того року пропасти!

А теперь южъ въ насъ зимно, безъ рукавицъ на двôръ не выходъ — лемъ смотрю и терпну, ци тотъ вѣчный дощъ не побѣлѣе... Дотля ищи лемъ съ капелюша капе — але закеля дни и съ носа буде...

Та тымъ часомъ будте здоровы.

Ваньо Гунянка.

ПРОСИТСЯ О ЖЕРТВЫ
на
„ЛЕМКОВСКІЙ НАРОДНЫЙ ФОНДЪ“
Жертвы посылати на адресъ:
„ЛЕМКО“
ВЪ ГОРЛИЦЯХЪ.

Терпи! — вытерпѣла ты,
Святая Русь, что посылалъ
Тебѣ Господь — всѣ тяготы
Насильствъ и казней и опалъ...

Тажелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка;
Но вѣришь ты, что Богъ любя
Тебя каралъ, — и тѣмъ крѣпка!

Въ 1243 г. Батый назначилъ въ русскіе города своихъ надзирателей — баскаковъ и приказавъ князьямъ явиться къ нему съ изъявленіемъ покорности. — Первымъ долженъ былъ отправиться къ нему великій князь Ярославъ Всеволодовичъ, братъ и преемникъ Георгія. — Его примѣру послѣдовали и другіе князья.

Мало-по-малу князья начали устраиваться въ своихъ удѣлахъ, стали оживать города и селенія безлюдной, обращенной въ развалины пустынѣ.

Между прочимъ, въ Ярославлѣ стали княжить сыновья погибшаго при Сити Всеволода Ярославичита, святые князья Василій и Константинъ.

Старшій изъ нихъ, Василій, собралъ разсѣянный народъ и заботился о вдовахъ и сиротахъ ратныхъ людей, павшихъ съ отцомъ его на берегахъ Сити. — Онъ окончилъ жизнь въ 1249 г., — оставилъ одну дочь, Марію, которая, — принося съ собою Ярославское княжество, вышла замужъ за святого князя Феодора Чермнаго, ярославскаго и смеленскаго.

Другой братъ, св. Константинъ, — убитъ въ 1257 г. — близъ Ярославля въ битвѣ съ шайками татарскихъ грабителей. Гора, гдѣ онъ убитъ, понынѣ зовется Туговою, какъ мѣсто туги, т. е. горесту народа.

Оба святые брата погребены въ соборной церкви г. Ярославля. Мощи ихъ обрѣтены въ 1501 г.

Князья должны были возобновлять храмы, изъ которыхъ многіе представляли изъ себя груды камней. Священная утварь, иконы и книги сдѣлались добычей татаръ. Но величайшимъ благодѣяніемъ было то, что татары не воздвигли явнаго гоненія на Церковь, какъ было въ первые вѣка христіанства при римскихъ императорахъ.

Они имѣли обычай чтить всякую вѣру и уважать всякихъ жрецовъ. Ханы выдавали рускимъ святителямъ ярлыки, въ которыхъ, подъ страхомъ смертной казни, запрешалось хулить русскую вѣру. Хотя иногда князья и платились смертью за отказъ исполнить языческій обрядъ: народъ безпрепятственно соблюдалъ свою вѣру, и эта вѣра, съ покаянными чувствами и смиреннымъ несеніемъ скорбей государственныхъ, сохранила Русь.

Въ первые годы ига принялъ въ ордѣ мученическую кончину св. князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій

Собираясь, по требованію Батыя въ орду, онъ принялъ благословеніе у духовника своего, епископа Іоанна, и тотъ сказалъ ему:

— Многіе князья ѣздили въ орду и, прельстясь славою міра сего, ходили сквозь огонь, вкушали оскверненную пищу. Но, ты князь, не подражай имъ.

Онъ отвѣчалъ:

— Я желаю пролить кровь мою за Христа и за вѣру чистую.

То же сказалъ сопровождавшій своего князя вѣрный бояринъ Теодоръ. Епископъ отпустилъ ихъ съ молитвою, далъ имъ на случай часа смертнаго запасные Св. Дары.

Когда Михаилъ прибылъ въ орду съ юнымъ внукомъ Борисомъ Ростовскимъ и бояриномъ Теодоромъ, Батый приказалъ исполнить надъ Михаиломъ всѣ языческіе обряды, и жрецы потребовали, чтобы князь и бояринъ прошли сквозь огонь.

Михаилъ отказался. Раздраженный Батый предложилъ ему выбрать между поклоненіемъ богамъ и смертью.

— Я готовъ поклониться царю — отвѣчалъ Михаилъ; — ему вручилъ Богъ судьбу царствъ земныхъ. Но я христіанинъ и не могу поклониться, чему кланяются жрецы.

Дописи.

Святкова велика.

Прошу помѣстити въ нашой улюбленой газетѣ пару слôвъ зъ нашого села, бо южъ дале не можеме вытримати.

Пришовъ до нашого села на вакаціи еденъ украинскій „кльерикъ“, котрый называтся Антоньо Шевиръ. Вôнъ ту пришовъ до своей родины, бо його отецъ есть въ Америцѣ. Не знамъ, але думаю, же його ту до насъ пôсвали бискупи, жебы будувавъ ту свою мазепинку вѣру, хоче перетягнути шиткихъ на украинцѣвъ, якъ зробивъ зо свойомъ родиномъ въ Крампнѣ. Але йому въ насъ не удастъся, бо наши люде хцутъ триматися свойой прадѣдной православной вѣры! То най вôнъ якнайскорше забератся съ нашого незопсутого села. Нашъ іегомосць Жукъ южъ давно не казавъ ничъ о украинѣ, ажъ якъ пришовъ „кльерикъ“ Шквиръ, то його пôдъюджуе — то теперъ на каждôмъ казаню бесѣдуе о „украинѣ“. А о. Жукъ завсе хвалятъ кльерика Антоня и гварятъ жебы люде шитки ишли за Шквиромъ, бо вôнъ знае де правда, бо вôнъ барзъ мудрый, бо скôнчивъ шитки шкови въ гамерицѣ и въ Львовѣ и ищи иде ажъ до Швайцаріи учитися на якоси доктора, и же бечѣдуе шестома бесѣдами!

Най вôнъ бесѣдуе дешятма бесѣдами, то и такъ мы його не хцеме, бо хоць и такій мудрый, то хвопъ Лемко веци знае якъ вôнъ; хвопъ знае де правда! А вôнъ — кивко разѣвъ гваривъ казаня въ нашихъ церквахъ, але никто його не розумѣвъ, бо шитко помѣшавъ и о украину и о католикахъ и о полякахъ, и о небѣ и о пеклѣ, шитко на купу! Незнамъ въ чымъ та його мудрôсть.

Вôнъ мешкатъ въ нашôй читальнѣ, то завсе насъ выганятъ зъ читальни! Якъ не хцеме выйти, то зачинатъ бесѣдувати на наши газеты — а найвецъ гваритъ о „Лемку“, гваритъ же то недобра, неморальна и т. д., а завсе гваритъ, же тота газета насъ зопсува, и мы не маме „просьвіти“, бо читаме „Лемка“.

Видите добры люде, наветъ и такій Американецъ не дае намъ покôй! Але мы будеме терпѣти, бо „терпенъ спасенъ!“

Вôнъ завсе гваритъ, же нашъ дякъ незна спѣвати, а вôнъ то не тямитъ, же нашъ дякъ южъ шпѣвавъ, якъ зъ нашого села люде його ковысали въ Америци.

Якъ кто прійде до читальнѣ кусъ газеты почитати, то йому недость — бо завсе бесѣдуе о украинцяхъ — и о якисихъ „шістмотикахъ“ — разъ бесѣдувавъ пять годинъ и таки ничого не повѣвъ!

Видите якый вôнъ барзъ мудрый.

Вôнъ часто пише до Английскихъ газетъ о Лемкахъ и о русскихъ людяхъ, и казали мы мои краяне, же завсе послѣдныма словами представятъ Лемкôвъ, же оны темны, некультурны и т. д. А вôнъ забывъ, же його отецъ и нати сутъ Лемками и то добрыми Лемками и його братя и сестры такожъ сутъ добрыми руснаками, лемъ вôнъ еденъ стався „мазапінцьомъ“, бо його дали учити на ксьондза. — Дай собѣ покôй кльеричку Шквиру!!

А вы Братя Лемки, мазепинского Шквира метте съ свого села, най иде съ кый пришовъ.

Ищи обзывамъ ся до васъ Американскихъ Лемкôвъ, жебысте дали на себе „позір“, бо Шквиръ за рôкъ буде „єгомосцьомъ“ въ Америци, то жебисте його, того Американского - Украинского - Мазепинского Лемка (не Лемка, але зрадника свого отца), не приняли, бо вôнъ ищи гôршый якъ самъ „біскуп“ Ортынскій.

Бôйте ся Бога, люде, кого южъ не пхаютъ на тоты лемкы! Але я вамъ бесѣдую — хочьбысте набôльшихъ украинскихъ вченыхъ прислали, та мы и такъ русскима людми будеме, хоць бысте при каждôмъ съ насъ едного „святого украинского“ поставили, то мы и такъ православныма христіянами будеме. Скорѣ съ нѣмцѣвъ поробите украинцѣвъ, якъ съ насъ Лемкôвъ.

Святковянъ.

Подорожъ Ваня Гунянкы до святого Кіева.

Найважнѣше въ Печерской Лаврѣ, то пещеры. — Въ пещерахъ мае початъ Печерска Лавра. Всѣмъ вѣдомо, всѣ слышатъ въ нашôй церкви поминаемыхъ св. Антонія и Теодосія печерскихъ; Они то дали початокъ и Печерской Лаврѣ.

Св. угодники Божи Антоній и Теодосій выкопали собѣ пôдъ земльомъ пивницѣ и тамъ въ тыхъ пивницяхъ заслужили собѣ на вѣчну нагороду — бо на святôсть. Ищы за Ихъ житя, а потôмъ ужъ и по Ихъ смерти приходили изъ всей Руси люде, лакнущи спасенія и копали тоты пещеры дальше — такъ, же нынѣ тыхъ пещеръ дуже много. Дѣлятъся на далны и блисши. Глядѣлъ пещеры пôдходятъ ажъ пôдъ рѣку Днѣпръ.

Въ тыхъ пещерахъ почиваютъ наши русскы угодникы Божи и можна ихъ нетлѣнны тѣта оглядяти. — Тамъ лежитъ и Преподобный Несторъ — першій нашъ русскій лѣтописецъ.

Кусъ о житю православныхъ монахôвъ: Зо самыхъ тыхъ пещеръ видно, же наши русскіи монахи жили справедливо по божому, цѣла ихъ жизнь дочасна, то было одна молитва въ пôдземныхъ пивницяхъ. Исторія монастыря пише, што много гробникôвъ — котрымъ здавалося — што въ печерахъ маютъ велику выгоду, тому казалися замурувати, лишити маленкій отвôръ на поданье хлѣба и воды и тамъ умерли. А много казалося

Княжичъ Борисъ со слезами умолялъ дѣда поберечь жизнь. Бояре Ростовскіе вызывались принять на себя и на весь народь епитимію за князя. Но Михаилъ, котораго поддерживалъ бояринъ Теодоръ, не слушалъ ихъ. Онъ сбросилъ съ плечъ знакъ земнего, преходящаго сана, шубу княжескую и сказалъ:

— Не погублю души моей. Прочь слава міра сего тлѣннаго. Не хочу ея!

Вельможи Батыя пошли съ этимъ отвѣтомъ къ хану, а исповѣдникъ вѣри съ бояриномъ своимъ стали пѣть псалмы и потомъ причастились бывшими съ ними Св. Дарами. Еще стали уговаривать ихъ татары.

— Не слушаемъ васъ, не хотимъ славы міра сего! — воскликнули мученики.

Подъѣхали убійцы. Соскочивъ съ коней, палачи растянули Михаила за руки и за ноги по землѣ, стали бить кулаками и палками по груди, затѣмъ, повернувъ лицомъ къ землѣ — ногами. Наконець, одинъ русскій измѣнникъ отрѣзалъ князю голову ножомъ. Его послѣднее слово было: „Христіанинъ есьмь!“

Послѣ него замученъ былъ св. Теодоръ. День страданія ихъ — 20 сентября 1246 года. Тѣла были брошены въ пищу псамъ, но остались невредимы. Надъ св. мощами, въ прославленіе святыхъ, явилось знаменіе — стоялъ столпъ свѣтлый, горѣли огоньки и слышалось небесное пѣніе. Тѣла мучениковъ были принесены въ Черниговъ, откуда въ 1572 г., при переходѣ Чернигова къ полякамъ, перенесены въ Москву. Съ 1774 года св. мощи покоятся въ Архангельскомъ московскомъ соборѣ.

Вскорѣ по кончинѣ, святый князь съ бояриномъ Теодоромъ явился въ сіяніи жившей въ Суздалѣ дочери своей, святой Евфросиніи, и возвѣстилъ, что они оба стяжали вѣчное блаженство.

Потомство святого князя, донынѣ многочисленными княжескими родами процвѣтающее на Руси, пользовалось видимымъ благословеніемъ Божіимъ.

Изъ пяти сыновей св. Михаила особенно въ благочестіи подражалъ отцу Романъ Брянскій. Сынъ его Олегъ Романовичъ уступилъ княжество Черниговское брату, а самъ удалился отъ міра. Онъ принялъ постриженіе съ именемъ Василія, построилъ у Брянска Петроцавловскій монастырь и послѣ строгихъ подвиговъ скончался въ концѣ XIII-ого вѣка. Память преподобнаго князя Олега Брянскаго 20 сентября.

Преемникъ и братъ св. великихъ князей Константина и Георгія, первый понесшій санъ князя плѣненной страны, великій князь Ярославъ Всеволодовичъ отличался твердостью, дѣятельнымъ умомъ, бодростью въ несчастіи. Въ послѣдній годъ жизни онъ былъ вызванъ въ Орду, гдѣ успѣлъ оправдаться во взведенныхъ на него какихъ-то обвинеияхъ. Мать хана предъ отъѣздомъ предложила Ярославу изъ собственныхъ рукъ пищу, заранѣе отравленную. Выѣхавъ изъ Орды, великій князь сталъ слабѣть и на седьмой день окончилъ жизнь. На тѣлѣ умершаго ясно были выдни послѣдствія отравы — пятна. Тѣло его привезено во Владиміръ. Въ одной древней русской книгѣ разсказъ о Ярославѣ заключается словами: „Причте его Богъ ко избранному своему стаду“.

Въ рукописныхъ святцахъ онъ включенъ въ число святыхъ.

XV.

Святый благовѣрный великій князь Александеръ Ярославичъ Невскій.

Прошумѣла гроза, утихла буря, замолкли грозные раскаты грома, занялась на небѣ заря, и надъ мѣстностью, опустошенной стихійнымъ раздоромъ природы, медленно выплываетъ ясное солнце...

(Дальше буде).

за житя вкопати по шію до землѣ ажъ до смерти и такъ славили Бога, штобъ тымъ на больщу нагороду посмертну заслужити. — Але и теперъ тамъ не жіютъ монахи такъ — якъ латинскы и уніятскы мацохы, котры незнаютъ посту, маютъ поднебѣня деликатне — якъ грабьове и бароны. Тамъ въ Печерскій Лаврѣ православный монахъ не лемъ же не ѣстъ масне, але якъ його житя довге, то не видитъ мяса, ани молока... Живятся хлѣбомъ, поснымъ борщомъ и рыбомъ, пютъ хлѣбный квасъ. Жадныхъ иншихъ потравъ ани напоѣвъ не уживаютъ.

Выстава. — Люде изъ цѣлого свѣта ѣздятъ теперь оглядати выставу русского промыслу, русской господаркы и наукы до Кіева. Выстава обнимать велике пространство земли — де збудувано особне мѣсто умысно на выставку. Каждый домъ презначеный на якису галузь промыслу, наукы, газдовства. — Въ томъ павильонѣ видніе найлѣпши машыны господарскы, въ томъ вчены книжкы, въ томъ полотна, въ томъ выробы рѣзбярскы, въ томъ бальоны, въ томъ автомобилѣ, въ томъ таке, што не знате, якъ ся зве и нашто оно, ба та ажи цѣла коляй съ машиномъ, съ вагонами, лемъ сѣсти и до Америкы ѣхати. Словомъ, всьо естъ, што розумъ людскій здолявъ выдумати.

Рузумѣеся, што чловекъ всього не могъ обызрѣти и о всьо ся выпытати, бо нато не денъ, два, але колька тыжни бы потрѣбувавъ. А ту, якъ ся мѣ дашто сподабало, томъ смотрѣвъ годину и двѣ. Тамъ лемъ треба смотрѣти, кывати головомъ и дивуватися — же то люде не вынашли такой машины, жебы до неба подвезла — або жебы хлѣбъ съ ничого робила...

На могилѣ Іерея Іоанна. — На остатку замовили мы парастасъ на могилѣ нашого земляка, просвѣтителя Ивана Наумовича — котрого кости лежатъ въ матери русскихъ городовъ Кіевѣ — на Аскольдовой могилѣ. Всѣмъ вѣдомо, што Отца Іоанна преслѣдовали въ Галичинѣ зато, же былъ щирымъ русскымъ православнымъ человѣкомъ, не хотѣвъ ити на службу ляхамъ и другимъ врагамъ русского народа. Судили Его, держали въ тюрьмахъ и въ конци змусили забератися тамъ, де русскій человѣкъ може свобoдно дыхати, де за русске слово, за православну вѣру не преслѣдуютъ. Отецъ Іоаннъ скончивъ свою многострадальну жизнь въ Кіевѣ. Надъ Его гробомъ стоитъ памятникъ, на котромъ съ одной стороны написано:

„Гонимому на родинѣ, принятому въ родной Россіи, печальнику Галицкой Руси, о. Протоіерею Іоанну Григорьевичу Наумовичу“.

На другой:

„Чада моя, не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истинною“ — (Іоаннъ...)

На третой:

„Вѣмъ твоя дѣла и любовь и службу и вѣру и терпѣніе твое и дѣла твоя и твоя послѣдняя, больша первыхъ“ (Апок.)

На четвертой:

„Блаженны изгнаны правды ради, яко тѣхъ естъ царствіе небесное“ (Мат.).

На памятнику сутъ тѣжъ выписаны девизы нашего просвѣтителя:

„Молись, учись, трудись, трезвись“.

Пришовъ старый православный священникъ и началъ панахиду спѣвати, а съ нимъ и мы разомъ спѣвали со слезами въ очахъ.

Не забуде Тебе Отче Іоанне Галицкая Русь! Зерно сознанія, посѣяне Тобою взойшло и хотя бури и дощи ему дозрѣти не даютъ, но приде часъ, што буря устане, сонечко гляне и Твое зерно пристане на Галицкой Руси. Мы будемъ всѣ русскіи такъ якъ Ты, всѣ православны, такъ якъ Ты, бо мы готовы терпѣти за нашу идею и вѣру православну, якъ Ты, нашъ учителю!“

По сконченю панахиды промовивъ словами и слезами нашъ землякъ, котрый слѣдами Наумовича, преслѣдованый опустивъ Галичину, Дръ Д. Н. Вергунъ. — Всѣмъ намъ тиснулися слезы на очи, декотры плакали, меже нима и я рукавомъ очи отеравъ. Хотѣлося остати разомъ съ зимномъ могиломъ Наумовича, хотѣлося тамъ вмерти...

Ваньо Гунянка.

Наводненіе.

Разсказъ крестьянина.

I.

Уже нѣсколько дней шелъ дождь безъ перерыва. Вода въ рѣкѣ Гароннѣ наканунѣ очень поднялась, но мы ей довѣряли, и пока она не вышла изъ береговъ, не боялись ея сосѣдства. Она была нашей благодѣтельницей. И сегодня она текла такъ мирно и спокойно въ своихъ берегахъ. Крестьяне неохотно покидаютъ свои гнѣзда, даже когда имъ грозитъ опасность.

— Ничего худого не случится — сказалъ я Гаспару въ отвѣтъ на его опасенія. — Изъ года въ годъ повторяется одна и та же исторія: рѣка вздуется, словно взъяренная, а за ночь сновъ войдетъ въ берега и успокоится. Не трусь, паренекъ, все обойдется благополучно. Посмотри, какая чудная погода.

Я указалъ на небо. Было семь часовъ, солнце садилось. По прозрачному ясному небу разсыпались лучи заходящаго солнця, какъ золотая пыль. И небо и земля дышали полною радостью. Деревня мирно успокоивалась. На черепичныхъ крышахъ угасалъ розовый отблескъ зари. Слышался смѣхъ, веселые голоса дѣтей; издали доносился шумъ возвращающагося стада. Гаронна, не переставая, гудѣла, но я не слышалъ ничего зловѣщаго въ ея шумѣ. Мало-по-малу небо посвѣтлѣло, деревня затихла. Мы стали укладываться — какъ вдругъ среди глубокой тишины послышался отчаянный, ужасный крикъ: Гаронна! Гаронна!

Мы выбѣжали на дворъ.

Деревня наша лежитъ въ глубокой долинѣ, ниже Гаронны. Длинные ряды тополей, тянувшіеся по полямъ, скрывали отъ насъ рѣку.

Намъ ничего не было видно. — А крикъ не унимался:

— Гаронна, Гаронна!

На большой дорогѣ показались двое мужчинъ и три женщины, одна изъ нихъ съ ребенкомъ. Это они отчаянно кричали и неслись бѣгомъ. Иногда они съ ужасомъ оглядывались, словно за ними по пятамъ гналась стая волковъ.

Но мы все еще ничего не видѣли. Даже листья деревьевъ не шевелились. Ничто, казалось, не нарушало мирную картину. Но вотъ вслѣдъ за бѣглецами, между стволами тополей, среди густой травы промелькнула какъ бы стая спущенныхъ съ цѣпи желтовато-сѣрыхъ звѣрей. Со всѣхъ сторонъ надвигались безконечные ряды волнъ, тѣснили и догоняли другъ друга, пѣнясь и глухо шумя.

Тутъ и мы отчаянно воскликнули:

— Гаронна, Гаронна!

Женщины и мужчины, не останавливаясь, бѣжали по дорогѣ. — Вслѣдъ за ними неслись волны съ ужаснымъ грохотомъ. По дорогѣ онѣ сломали три тополя, залили деревянный шалашъ, понесли пустыя телѣги. На поворотѣ дороги вода вдругъ широко разлилась и преградила путь бѣглецамъ. Они продолжали бѣжать, шлепая по водѣ, но отъ ужаса не могли больше кричать. Вода доходила имъ до колѣнъ. Огромная волна бросилась на женщину съ ребенкомъ (дѣтиномъ).

— Скорѣе, скорѣе! — кричалъ я. — Войдемте... Домъ прочный (сильный), намъ нечего бояться.

Мы поднялись во второй этажъ. — Женщинъ мы пропустили впередь. Я вошелъ послѣднимъ. Донашъ — стоялъ на холмѣ, у дороги. Вода съ тихимъ шумомъ заливала понемногу нашъ дворъ. Мы не очень боялись.

— Чего бояться — сказалъ Жакъ, стараясь насъ успокоить. — Помните, батюшка, какъ въ 55 году вода поднялась на цѣлый футъ, а затѣмъ и спала?

— Только жаль урожая — сказалъ я.

Мы стояли у окна и смотрѣли. Вода залила даже самыя узкія улицы деревни. Наша деревня была вся въ водѣ, какъ будто стояла посреди озера. Вода все прибывала.

На дворѣ стало понемногу темнѣть. Мы зажгли лампу и усѣлись вокругъ стола, чтобы отогнать отъ себя невеселыя думы и развлечься общимъ разговоромъ. Стоя у окна, я вспоминалъ наши зимніе вечера вокругъ этого самаго стола. — Какъ и тогда, вся семья была въ сборѣ, но теперь я слышалъ за спиной ревъ все еще поднимавшейся рѣки.

Вдругъ раздался ревъ и мычанье обезумѣвшихъ животныхъ: скотина погибала въ стойлахъ. Лошади (конѣ) хрипло ржали, чуя смертельную опасность.

Взломавъ двери стойлъ, животныя попали въ желтыя волны и умчались по теченію. Барановъ несло кучей, какъ сухіе листья, и ихъ кружило какъ въ водоворотѣ. Коровы и лошади старались подняться на ноги, но ихъ сбивало волной. Особенно не хотѣлось умирать нашой большой сѣрой лошади: она брыкалась, вытягивала шею, пыхтѣла какъ кузнечный мѣхъ, но разъяренная вода нахлынула на нее сзади и овладѣла ею.

Мы подняли крикъ. Протягивая руки къ исчезавшимъ милымъ животнымъ, мы кричали, не въ силахъ справиться съ тяжелымъ несчастьемъ. — Все погибло: погибъ урожай, утонулъ скотъ — а что будетъ съ нами — не знаемъ.

Вода все поднималась. Ступенька за ступенькой, она бурливо поднималась по лѣстницѣ и уже доходила въ дверь. Намъ

оставалось взлѣзть на крышу. Не отставая ни на шагъ другъ отъ друга, мы бросились на чердакъ. Не успѣли мы очистить комнату, какъ вода залила ее на цѣлый футъ.

II.

Къ счастью, крыша была широкая и пологая. Надъ слуховымъ окномъ была площадка, которая вела на крышу. Тамъ-то помѣстилось все наше семейство. — Женщины молча и дрожа усѣлись въ кучку у нашихъ ногъ, закрывая лица руками, чтобъ не видѣть ужаснаго зрѣлища. Єме укрыла въ подолѣ платья и крѣпко держала своихъ дѣтей, какъ будто защищая ихъ. Тетя Агаша, блѣдная какъ полотно, широко крестилась и шептала Отче нашъ и Богородицу. Мужчины съ мрачными лицами всматривались въ широкое и мутное водное пространство, разстилающееся у ихъ ногъ. Земли уже нельзя было различить. Вся долина была залита водой. Звѣзды освѣщали и отражались фосфорическимъ блескомъ въ этомъ морѣ воды.

Вода не доходила только на аршинъ отъ крыши. Меньше, чѣмъ черезъ часъ, она сдѣлалась грозной, желтой и сносила вещи, разбитые боченки, дрова, охапки травы. Съ гуломъ она осаждала стѣны домовъ и съ трескомъ вырывала и валила деревья. Мы бросились на колѣни и, протягивая руки, плакали и умоляли Небо сжалиться надъ нами. Потомъ мы впали въ какое-то оцѣпенѣніе.

Придя въ себя, я увидѣлъ, что вода еще прибыла. Теперь она уже дошла до черепицъ, и крыша походила на узенькій островъ. Справа и слѣва дома, повидимому, рухнули. Кругомъ было настоящее море.

— Мы движемся — шептала Роза, держась за черепицы.

Дѣйствительно насъ укачивало, словно на плоту, Казалось, что насъ уносило теченіемъ. Но всматриваясь въ неподвижную колокольню церкви, мы убѣждены, что стоимъ на томъ же мѣстѣ, среди волнъ.

Вода съ возрастающей силой стала осаждать нашъ домъ. Подхвативъ бревно, она раскачивала его, а потомъ изо всей силы ударяла о стѣны. Брызги пѣны разбивались у нашихъ ногъ. Домъ, наполненный водой, стоналъ и трещалъ, какъ раненый. Минутами мы думали, что сейчасъ стѣны разступятся и волны поглотятъ насъ.

Гаспаръ не побоялся пробраться къ самому краю крыши. Ему удалось схватить одно бревно своими сильными руками.

— Надо защищаться — сказалъ онъ.

Жакъ тоже старался поймать длинный шестъ. Пьеръ помогалъ ему. Я, старикъ, былъ безсиленъ въ этой борьбѣ трехъ мужчинъ противъ расходившейся рѣки. Вооружившись шестами и бревнами, они отталкивали деревянные обломки, напиравшие на стѣны. Эта безполезная борьба продолжалась около часа. Она только измучила борцовъ; вода попрежнему спокойно и упорно продолжала свое дѣло разрушенія.

Мы стали терять всякую надежду на спасеніе. Отъ церкви къ намъ все еще доносились голоса. Вдали на минуту мелькнули два фонаря и опять исчезли въ темнотѣ. Предъ нами разстилалась необъятная масса воды.

Вдругъ Гаспаръ, ходившій по крышѣ, намъ сказалъ:

— Помогите мнѣ, братцы. Держите меня крѣпче.

Онъ опять ухватился за шестъ и поджидалъ обломокъ, который въ видѣ огромной черной массы медленно подплывалъ къ дому. Это была широкая кровля сарая, сколоченная изъ крѣпкихъ досокъ. Она держалась на водѣ, какъ плотъ, Гаспаръ остановилъ эту крышу шестомъ, а мы крѣпко держали его. Попавъ въ теченіе, крыша подплыла къ дому такъ быстро, что мы боялись, какъ бы она неразлетѣлась вдребезги.

Гаспаръ смѣло вскочилъ на плотъ. Пьеръ и Жакъ удерживали его около нашей крыши. Осмотрѣвъ плотъ, Гаспаръ радостно воскликнулъ:

— Дѣдушка, теперь мы спасемся. Этотъ плотъ выдержитъ насъ всѣхъ. Ну, полѣзайте скорѣе, не теряйте времени.

И онъ поочереди сталъ переносить женщинъ и усаживать ихъ посрединѣ плота. Пьеръ и Жакъ вошли на плотъ, я послѣдовалъ за ними. Плотъ немного наклонился, но былъ, дѣйствительно, крѣпокъ и могъ выдержать насъ всѣхъ. Гаспаръ вскочилъ послѣднимъ и велѣлъ захватить намъ шестъ вмѣсто веселъ. — Самъ онъ ловко правилъ длинной жердью. По его командѣ мы уперлись шестами въ черепицы, чтобы оттолкнуться. Но плотъ словно приросъ къ крышѣ. Несмотря на всѣ наши усилія, мы не могли его сдвигнуть. Насъ все время прибивало къ дому, и я боялся, что въ концѣ-концовъ нашъ плотъ разобьется, а мы погибнемъ въ водѣ. Тогда я предложилъ вернуться на крышу, на прежнее мѣсто, но всѣ закричали:

— Нѣтъ, нѣтъ, попробуемъ еще разъ. Лучше здѣсь умереть.

Мы налегли на шесты съ удвоенной силой. Напрасно! Тогда Пьеръ рѣшилъ взобраться на крышу и веревкой оттянуть плотъ влѣво. Этимъ онъ вывелъ плотъ изъ теченія. Потомъ, когда онъ опять вскочилъ на плотъ, мы оттолкнулись и вышли въ открытое пространство.

Отпихиваясь шестомъ отъ стѣнъ торчавшихъ надъ водою, мы плыли мимо сосѣдняго дома, переплыли черезъ нашъ хлѣвъ. Но когда мы попали на улицу, теченіе опять понесло насъ и погнало къ дому. Въ одинъ мигъ насъ закрутила вода и ударила о крышу дома. Произошло крушеніе. Дошки разбились, завертѣлись. Насъ всѣхъ разбросало куда попало. Не знаю, что было дальше. Помню только, что, надая, видѣлъ, какъ тетя Агаша погружалась въ воду.

Когда я открылъ глаза, то увидѣлъ себя на крышѣ дома, а около меня лежали Вероника и Мари, блѣдныя, точно мертвыя. Пьеръ и Гаспаръ, очевидно, вытащившіе насъ, ныряли и разыскивали остальныхъ. Но поиски ихъ были напрасны. Когда они обезсиленные подымались на крышу, крупныя слезы стояли у нихъ на глазахъ: они не нашли ни Жака, ни Розы, ни тети Агаши.

III.

На крышѣ насъ оставалось только пятеро. Изъ воды торчала только узкая полоса вдоль конька. Одну трубу снесло. Мари и Вероника все еще не пришли въ себя, и намъ пришлось держать ихъ стоя — чтобъ вода не заливала ихъ. Наконецъ онѣ пришли въ себя и, промокшія, озябшія, стали кричать, что не хотять умереть. Мы успокоивали ихъ, какъ дѣтей, хотя сами не менѣе ихъ нуждались въ утѣшеніи.

Отъ разоренной деревни уцѣлѣло нѣсколько развалившихся стѣнъ. Только церковь не была повреждена и оттуда попрежнему доносились голоса людей, нашедшиха въ ней пріютъ. Только мы одинокіе, словно потерпѣвшіе крушеніе среди океана, за сотни верстъ отъ твердой земли, все еще держались на крошечномъ клочкѣ крыши.

Опасность не уменьшалась ни на минуту: мы могли обрушиться въ бездну вмѣстѣ съ домомъ. Вода подмыла его, и онъ держался, вѣроятно, на какой-нибудь толстой стѣнѣ. Стоило ей обвалиться, и мы погибли бы навѣрное. Но особенно пугало меня то, что крыша шаталась подъ нашей тяжестью. Черепицы, раздавленныя балками, сползали, и могли придавить насъ. Мы примостились слѣва на крѣпкихъ еще стропилахъ. Потомъ и эти стропила ослабѣли и могли провалиться каждую минуту.

На колокольнѣ пробило два часа. Ужасная ночь приходила къ концу, а вмѣстѣ съ нею уменьшалось и сухое пространство у нашихъ ногъ. Вода тихо журчала, волны съ лаской толпились и набѣгали. День занимался, всходила заря. Я совершенно отупѣлъ и ничего не помнилъ. Уцѣпившись за трубу, я держался за нее, какъ животное, которое не хочеть умерть.

IV.

Когда я пришелъ въ себя, то узналъ, что подъѣхавшіе лодки подобрали троихъ насъ около шести часовъ утра. Гаспара и Мари не оказалось въ живыхъ.

Ужасное это было бѣдствіе! Наша семья распалась, домъ разрушился, поля разорились. Въ сосѣднихъ деревняхъ погибло не менѣе семисотъ человѣкъ и развалилось около двухъ тысячъ домовъ. Всѣ мосты были снесены. Цѣлый кварталъ потонулъ въ грязи. Голодъ, ужасныя болѣзни долго еще напоминали разоренному краю объ ужасахъ разбушевавшейся рѣки.

Друкарня
ЗИГМУНТА ТУРОВИЧА
ВЪ ГОРЛИЦЯХЪ
выконуе друкы звычайны, оздобны и кольоровы; кнͅжкы науковы, школьны, молитвенники, поезіи, брошуры, одозвы, изданія народны, календаре, рочникы, меморанда, книжкы купецкы звычайны, и до копіюваня, наголовкы листовы, коперты, цѣнникы, каталогы, рейестра, проспекты, квитаріуши, табули, уклады цифровы, запрошеня весѣльны, программы.

СЛАВІЯ

БАНКЪ ВЗАИМЫХЪ ОБЕЗПЕЧЕНІЙ въ ПРАЗѢ
Головне заступниц. для Галичины и Буковины
во Львовѣ, Коперника 30 І. п. Тел. 1338.

а) обезпеченія житьовы, а именно обезпеченье капитала на выпадокъ дожитья або смерти, обезпеченье вѣна для дѣти, обездопеченье рентъ пожизненыхъ и то або за одноразовомъ вкладкомъ, або за рôчными вкладками и т. д. Потрôбны тарифы сп примѣрами на жаданье высыламе безплатно;

б) обезпеченія огневы, вôдъ шкôдъ причиненныхъ пожаромъ, громовымъ ударомъ взрывомъ и т. д. До обезпеченія принимаются будынки, движимости, живый инвентаръ, збôже въ стодолахъ, стыртахъ, оборахъ, шпѣхлѣрахъ и пр.;

в) обезпеченія шибъ шклянныхъ и зеркальныхъ, передъ розбитьемъ, або ушкодженьемъ;

г) Обезпеченія противъ крадежи съ вломомъ, въ закрытыхъ помѣщеньяхъ або хранилищахъ. Тото отдѣленье важне дла церквей, кассъ пожичковыхъ конторъ, библіотекъ, музеевъ, торговель и частныхъ осôбъ, занятыхъ по бôльшôй части поза домомъ, нараженыхъ наибôльше на грабежи.

Ликвидаціи исполняются безотлагательно при участи мужôвъ довѣрія и знатокôвъ съ всею точностію и совѣстностію.

Въ мѣстцяхъ, де ищи нѣтъ заступництвъ банка **„СЛАВІЯ“**, удѣляеся такымъ особамъ грамотнымъ, трудолюбивымъ и совѣстнымъ за рекомендаціомъ **Общества им. Мих. Качковского во Львовѣ.**

Вшиткыхъ информацій штося тычитъ обезпеченій, якъ тѣжъ формулярôвъ до выполненья, удѣляе безотлагательно и безплатно Головне Заступництво банка „СЛАВІЯ“ во Львовѣ, вшиткы заступництва по провинціи, якъ тѣжъ „Страховое отдѣленіе“ при Обществѣ им. Мих. Качковского во Львовѣ, ул. Валовая 14. І. п.

Резервны фонды банка „Славія“ выносятъ высше 53,000.000.

Банкъ **„Славія“** выплатилъ за цѣлый часъ своего существованья за шкоды и платны капиталы	К 115,390·603	Маетокъ банка составлятъ	К 52,694.649
Фонды банка осягнули	К 53,758.285	Въ 1910 р. вплачено премій и вкладокъ	К 11,956.668
		Громадамъ и сторожамъ огневымъ удѣлено запомогъ	К 248.938

Фондъ емеритальный заступникôвъ банка „СЛАВІЯ“ выноситъ 793.180 коронъ.

КОСЫ

Вюро посредничества при Обществѣ им. М. Качковского во Львовѣ, Валовая 14,

предлагаетъ въ продажу

Найлучшіи косы шведской стали съ маркомъ „Сатурнъ“ по слѣдующихъ цѣнахъ на мѣсці во Львовѣ:

Довгота въ центиметрахъ:	60	65	70	75	80	8[illegible]
Цѣна въ гелерахъ:	160	170	180	190	200	21[illegible]
Довгота въ центиметрахъ:	90	95	100	105	110	
Цѣна въ гелерахъ:	220	230	240	250	26[illegible]	

Косы дуже хорошіи изъстырійской стали І-го сорта:

Довгота въ центиметрахъ:	60	65	70	75	80	85
Цѣна въ ґелерахъ:	140	150	160	170	180	190

Косы изъ стырійской стали ІІ-го сорта:

Довгота въ центиметрахъ:	60	65	70	75	80	85
Цѣна въ гелерахъ:	120	130	140	150	160	170

Широта листа у всѣхъ косъ 5 центиметровъ.

При заказахъ на каждыхъ 10 штукъ додаемо 1 косу даромъ.

При заказахъ наименьше 100 косъ **оплачуеме просылку.**

Серпы карпатскіи малы, середны и великы по 60, 70 и 80 ґел. за штуку

Понеже на складѣ во Львовѣ не всѣ довготы косъ держатся въ большомъ количествѣ для того **потреба присылати заказы завчасу,** щобы можна было на часъ доставити коссы желаемой довготы. При заказѣ наименьше 100 косъ оплачуемо пересылку.

— При заказѣ просимо присылати задатокъ. —

СВÔЙ ДО СВОГО!

РУССКЕ ТОРГОВО-КРЕДИТНЕ ОБЩЕСТВО

„НИВА“ ВЪ ЛѢСКУ

об-во зарегистр. съ огран. пор.
Рôкъ основаня 1911.

Ручательны фонды 200.000 К.

Принимать вкладѣ на ощадность уже отъ 1 К. и платитъ 5% а по осôбной умовѣ и 6%.

Дае пожички на скрыпта и вексли.

Висилатъ просто зъ фабрики або зо свого магазину **свѣтло** церковне и столове марки „АПОЛЛО“ въ скринкахъ отъ 30 Кор. и высше, отъ цѣнъ фабричныхъ оступае 12 процентъ скидки. Дла купцѣвъ и крамницъ особны оферты.

Принимать цѣловаговыи заказы на штучны навозы якъ томасина, суперфосфатъ и др. отступае высокій рабатъ.

При „НИВѢ“ въ Лѣску

открыло Тов. „РИЗНИЦА“ комисійный складъ товаровъ церковныхъ, а то: фелоновъ, стихаровъ, хоруховъ, иконъ процес., чашъ, патерицъ, крестовъ, кивотовъ, лѣхтаровъ, пауковъ, книгъ богослужебныхъ, молитвослововъ, образовъ, Прапоровъ для „Русскихъ Дружинъ“.

Стари ризы и сосуды принимае „НИВА“ до отновленя.

Вшитко што входитъ въ банковый и торговый кругъ переводится оборотномъ почтомъ.

„НИВА“ въ Лѣску
Ринокъ 92 — власный домъ.

КОСЫ!

Карпатскіи косы Нръ 000 съ маркою „Косарь“ изъ англійской стали, серебряносталевыи маютъ тонке якъ паперъ и легке якъ перо ôстрье, котре рѣже якъ бритва найтвердшу псянку, то естъ гôрску траву и сбôже. Косы тѣ дуже поволи супотребляются и до половины облегчаютъ тяжкій хлѣбъ селянина. Каждый повиненъ косити лишь **карпатскими серебряносталевыми косами съ маркою „Косарь“.**

Косы Нр. 000 изъ найлучшой англійской стали найлучшіи на свѣтѣ и легки:

Долгота въ центиметрахъ	65	70	75	80
Цѣна одной штуки кор.	2·10,	2·20,	2·30,	2·40,
Долгота въ центиметрахъ	85	90	95	100
Цѣна одной штуки кор.	2·50,	2·60,	2·70,	2·80.

Кто замовитъ 5. кôсъ то отримае 1. косу даромъ. На 10 кôсъ 2. косы даромъ, на 20 кôсъ 5 даромъ, на 40 кôсъ 10 кôсъ даромъ, на 80 кôсъ 20 кôсъ даромъ, на 100 кôсъ 25 кôсъ даромъ. Меньше ôтъ 5 штукъ не высылаемъ. Замовляючій мае прислати 4 кор. задатку; безъ задатку не высылаемъ. Кто пришле напередъ цѣлу належитôсть, тому оплатимъ почту.

Молотки до клепанья косъ 1 кор.

Коваделко до клепанья косъ 1 кор.

Брусики до остренья косъ изъ найлѣпшой марморовой плыты штука 40 гел.

Серпы съ зубками изъ англійской стали — штука 60 гел.; меньше якъ 10 штукъ не высылаю. На каждыхъ 10 штукъ даю 1 серъ даромъ. Замовляючій серпы мае прислати задатокъ 4 кор., безъ задатку не высылаемъ.

Адресуйте такъ:

Александеръ Копачъ,
фабричный полномочникъ
Выжній Струтинъ — почта Рожнятôвъ.

РУССКОЕ ЛЕМКОВСКОЕ КРЕДИТНОЕ ОБЩЕСТВО „НАДЕЖДА“ ВЪ КРЫНИЦѢ

принимаетъ вклады, отъ которыхъ платитъ 5% съ полугодичною капитализаціею.

„НАДЕЖДА“ въ Крыницѣ — даетъ ипотечныи займы и займы пôдъ довговыи листи на 7%.

„НАДЕЖДА“ въ Крыницѣ — даетъ вексельныи займы на 8%.

„НАДЕЖДА“ въ Крыницѣ — платитъ рентовую подать — изъ своихъ фондовъ.

„НАДЕЖДА“ въ Крыницѣ — переписуеся съ банками въ Америцѣ, — за що не побираетъ жадного вознагражденія.

Канцелярія **„Надежды“** открыта ежедневно отъ 9 ч. до 1 ч., за исключеніемъ недѣль и русскихъ праздниковъ.

Краевый адвокатъ

Д-ръ СЕМЕНЪ С. БУЛИКЪ

въ МУШИНѢ

пренюсъ

адвокатску канцелярю

до свого дому напротивъ аптыкы.

Мудрый Ванцьо.

Маленкій Ванцьо зѣмавъ пщолу, вложивъ до шклянкы, прикрилъ денкомъ, тай гварить:

— Сѣдъ-же небого дотля въ шклянцѣ, покаль повну шклянку меду не наробишь!

— Чомъ Соломонъ былъ мудрый?
— Бо мавъ сѣмсотъ женъ, та не мôгъ бесѣдувати...

Надѣли сой мазепинцѣ козацку одеджу,
Тай лемковску съ крикомъ-гукомъ преступили меджу.
Хтѣли вѣру „иначыти“ русскость закопати
Нашу святость одобрати а свою намъ дати

— —

САТИРА, ГУМОРЪ, ЗАБАВА.

Лемъ-же лемкы ся збачыли, бо тварь не козацка,
Але „пика“ Русь-здрадника „льокайско-нѣмецка“
А съ такыма русскы лемкы никусъ не шпасуютъ...
Неборакы „мазепинцѣ“ съ йойкомъ отлѣтуютъ...

——

Въ войску.

Рекрутъ Сьлюза: Пане капитане, мельдую послушнѣ, жемъ багнетъ стративъ!

Кап. Гей! фельдвебель! заперти го до гарешту, най сѣдитъ, покаль багнетъ ся не найде!

Шануе.

— Што вы тамъ Осифе глядате? Южь-сте цѣле пуделко патычокъ скресали!

— Е, бо мы една патычка впала, та глядамъ, бо шкода!

Не глупый!

— Ты зато ѣдешь до Америкы, жебы поплатити долгы?

— Ба! Бо я глупый! Коли тоты хочутъ мати гроши, штомъ имъ довженъ, то най сами до Америки ѣдутъ!

Въ Мыличѣ:

Стевко: Та якъ же вамъ нонашку Поліяне выпавъ гнешній терминъ?

Поліянъ: Та якъ бы! Доорѣ! — Най знае лобузъ, жебы на мня веце не кричавъ, жемъ продавъ русснаковъ, жемъ вразъ съ тобомъ подписався и згодивъ ся на польску школу въ нашимъ градѣ.

Стевко: Та то и мнѣ, хоць емъ и до велькихъ гоноровъ впавъ, не дадутъ люде спокойно прейти лемъ все кричатъ: Здрадникъ русского народа! Але якъ вырыхтуеме едного добрѣ, та другій ся не поважитъ! — Але хтѣвъ бы я знати, хто тыхъ людей такъ противъ насъ бунтуе?

Поліянъ: Гей хто? Та нонъ мудрагель! Але я му покажу, што я значу! Я южъ разъ выбравъ ся до пана старосты внести ма него скаргу, жебы го жандарме мали на оку, алемъ не зашовъ — бомъ ся барсъ впивъ въ Нушинѣ на арацѣ съ гербатомъ, тай ледво приплянтавемъ ся на другій денъ домю.

Стевко: Та оно добрѣ бы го такъ знищити, але то якоси нечестно. — Мнѣ самому теразъ по тій цѣлый комедіи мало серце не пукне. Та и до старосты ити не шумнѣ, бо то такъ робятъ лемъ хрунѣ. Кедъ правду повѣвши я и вы нонашку отъ довшого часу поступуеме якъ найвекши хрунѣ, хоць бы взяти и остатне наше посѣджыня въ громадѣ подъ увагу. Шытки русснаки пишли разомъ и боронили честно русской справы, лемъ я, вы нонашку тай и хтоси ищи еденъ подтримувалисме поляковъ, та засъ люде кричатъ: здрадники, продайбѣгы!

Поліянъ: Та я знамъ, жемъ хрунь отъ того часу, якъ емъ выпивъ съ іезуитомъ Мукромъ три лѣтры медовки на задатокъ, же подпишу ся яко делегатъ на польску школу, такъ я хрунь, бо южъ нигда не иду тамъ, где вымагатъ русска справа; лемг все на руку полякамъ, але кедъ знашъ, барсъ мнѣ посмакувала тота медовка.

Стевко: Гм... Треба бы то поправитися намъ обомъ, давно были зме лѣпшими, а теразъ што разъ то планши. Та и вы нонашку кебы сте не пили, тобы сте такъ по хруньски не поступовали. — Не знате сами якій вамъ може быти конецъ, та и втовды, што сте ся южъ правѣ забили, якъ бы не люде то южъ бы было по васъ. А то шытко лемъ презъ тотъ аракъ и медовку. — Я зазъ правду повѣсти все иду лемъ за вами, якъ бы и на полъ грайцара розуму свого не мавъ.

Поліянъ: Гм... та си о тымъ ищи другымъ разомъ погадаме.

Стара плаче, дѣти плачутъ:
„Ѣсти няню!“ „Штожъ вамъ дамъ?“
Зерно гніе, а дощъ лѣе
А два метры на боргъ мамъ!

Дѣти, гварю, встыдъ робите,
Чомъ кричите, ганьта, фе,
Тишсте русски соколята
Вчийтеся терпѣти вже!“

Втихли дѣти; та лемъ стара
Хлипатъ, плаче; стуль ужъ разъ,
Я самъ мало не здурію,
А та рычитъ: „Кій ти фрасъ?“

Еще бовше буде воды,
Бовшы багна, бовше млакъ
Ужъ и компери погніютъ,
Якъ будешъ рычала такъ!

Титъ маме и опѣкуновъ,
Што думають тижъ про насъ,
Дадуть соли — дадутъ грысу
И чей насъ не возме фрасъ!

Зъ грису наробишъ пироговъ
На омасту соли дашь!
На податокъ дамъ корову
На додатокъ бычка засъ!

На громадску складку курку
Для попика свиньча мамъ,
А якъ приде екзекутникъ
То ужъ тебе стара дамъ.

Гнатъ Селякъ.

Хорый.

Лѣкарь: — Но якже съ хорымъ?

Жена: — Уже лучше. Только съ піявками була бѣда: три только съѣвъ живыи, а решту я мусѣла печи.

Все едно.

Жена: — Не пей пива, бо лѣкарь заказавъ тобѣ пити черезъ твой кашель.

Мужъ: — Все едно. Якъ буду пити, то буду кашляти, якъ довго буду жити, а якъ перестану пити — то и такъ буду кашляти до смерти.

Чортъ.

...Въ с. Бѣлоцерковцѣ харковского повѣта въ Малороссіи 20 липня ст. ст. по случаю праздника св. Иліи, крестьяне ничого не робили коло поля, и где кто и якъ могъ, такъ святковали: кто пошовъ на базаръ, кто на улицю... Нагло ни небѣ загудѣло.

— Чуете, выстрашеный отозвався стоявшій коло студни одинъ изъ дядьковъ.

— А хиба ты не знаешь, якій сегодня день. Та Илія — отповѣли ему другіи.

За хвильку въ воздусѣ щось перелетѣло съ шумомъ и гукомъ.

— Чортъ! — закричавъ кто-то.

Чортъ! чортъ! — далося чути по всемъ базару.

Перестрашены бабы, кинувши все, пустилися утѣкати.

— Та що вы, Богъ святый съ вами, якій чортъ. — Найшовся наконецъ „понимающій“ чоловѣкъ — то „еропланъ“. Якій тамъ „еропланъ“! Тікай скорше, та „затыкай“ вікна и запирай двери.

И только, коли „чортъ“ скрывся изъ виду, поволи стали успокоюватися, а бабы снова пошли на базаръ. Но въ часѣ ихъ неприсутности, господарували свиньи; оставленныи съ перестраху продукты — сметана, сыръ, овощи, мигомъ смели, а часть розокрали злодѣйчуки.

Бабы заплакали:

— Ото наробывъ „чортяка“.

А „чортяка“ не бувъ никто другій, якъ совершавшій на аэропланѣ полетъ изъ Полтавы въ Кіевъ — штабскапитанъ Вартниковъ.

Што за чудо.

— На крестинахъ у кума на Рождество були свѣжіи вишни.

— Овва! У мене шесть мѣсяцей тому назадъ уже були вишни.

ИЗДАТЕЛЬ: Д-РЪ АЛЕКСАНДРЪ ГАССАЙ. ОТВѢТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОРЪ: ДМИТРІЙ ВИСЛОЦКІЙ.
ЗЪ ПЕЧАТНѢ ЗИГМУНТА ТУРОВИЧА ВЪ ГОРЛИЦЯХЪ.